

УДК 159.92

Символическая функция сознания как основа развития субъектности

А. М. Поляков, кандидат психол. наук, доцент

Статья посвящена анализу понятия и структуры символической функции сознания в связи с проблемой развития субъектности личности. Представлены подходы к понятию символа в психологии. Осуществлен сравнительный анализ символа с другими идеальными формами культуры. Предложена гипотеза относительно механизма становления субъектности в онтогенезе.

The Symbolic Function of Consciousness as the Basis for Subjectiveness Development

A. M. Polyakov, PhD in Psychology, Associate Professor

The article is devoted to the concept and the structure of the symbolic function of consciousness correlating with the problem of the development of the person's subjectiveness. The approaches to the concept of symbol in psychology are presented. Comparative analysis of the symbol with other ideal forms of culture is done. The author presents his hypothesis of the mechanism of the development of subjectiveness in ontogenesis.

Понятие и структура символической функции сознания*

Как уже отмечалось выше, одним из основных моментов понимания символа является разведение его внешней формы и внутреннего смыслового содержания [1, 2]. Основную задачу символической функции сознания мы видим в осознании этих различий, что, в свою очередь, является необходимым условием трансценденции эмпирического, предметного выражения символа. Однако здесь требуется уточнение. Известно, что и в развитии знаковой функции этап разделения знака и обозначаемого является необходимым и закономерным этапом в онтогенезе [3–8]. В чем же состоят различия между этими функциями?

Если знак произвольно употребляется для обозначения чего-либо, как бы извне удваивает действительность, то внутренняя и внешняя стороны символа неразрывно связаны и не могут быть произвольно разделены или заменены надругие. Знак замещает некий предмет или свойство эмпирической действительности. Символ ничего не замещает, он соединяет предметную эмпирическую действительность с реальностью иного, или иначе – преодолевает ее (действительность). Знание, основанное на знаках и значениях, условно и опосредованно представляет действительность. Знание, основанное на символах, безусловно и непосредственно переживаемо человеком. Таким образом, сознательное разделение внутренней, смысловой, и внешней, предметной, сторон

символа определяется только его «внутренней жизнью», его собственной активностью, динамикой содержащихся в нем смыслов и порождением новых форм их выражения.

Означает ли это, что понимание символа происходит автоматически, само собой, без активного участия самого субъекта? И если нет, то в чем состоит эта активность? Для того, чтобы ответить на эти вопросы необходимо описать процессы, из которых складывается символическая функция сознания, иными словами, охарактеризовать ее структуру.

Теоретический анализ позволяет нам выделить три компонента в структуре символической функции.

1. Преобразование (перевод) формы символа.

Мы уже говорили о сверхчувственной беспредметной основе символа, хотя и выраженной в предметных формах (образах), тем не менее, доступной только непосредственному переживанию и не могущей быть четко определенной. Символ скорее нужно рассматривать не как то, что фиксирует некий смысл, а как то, что предоставляет возможность его существования или обнаружения человеком. Поскольку символ арефлексивен, не является моделью (дублем) мира и не может быть произвольно заменен другими символами (в отличие от знака, который может быть выражен через другие знаки), возникает вопрос о том, как происходит понимание символа. В методологическом плане этот вопрос важен еще и тем, что ответ на него позволяет определить способы фиксации в эмпирическом исследовании процессов понимания символа. Что мы делаем, когда прилагаем усилие

* Продолжение. Начало в № 4 за 2007 г.

для понимания символа и в чем это действие выражается? Одним из существенных моментов здесь является преобразование внешней формы символа, ее перевод либо из одной модальности в другую, либо как бы «параллельный» перевод в рамках одной модальности¹. Причем здесь принципиально важным является соблюдение одного условия: такой перевод должен сохранять целостность формы символа в соответствии с его смыслом и быть адекватным контексту, в который она включается (поэтому мы говорим о «преобразовании»). Похожую мысль мы находим у В. П. Зинченко, который указывает на важность «перевода» «живого слова-понятия» (которое в его понимании близко к представленному нами пониманию символа) в образ и формирования живого образа-понятия или живого действия понятия [10, с. 57]. Именно к этому аспекту символической функции в наибольшей мере применима характеристика «живого», так важная для понимания природы субъекта. На важность перевода, правда, при понимании текста, обращает внимание также А. А. Леонтьев [11, с. 141–144]. Понимание текста происходит, когда мы осуществляем его перевод с языка автора на «свой», с иностранного на родной или другой иностранный. Замысел автора, конечно, при этом может искажаться, поэтому важно, чтобы перевод был не механическим, буквальным, а учитывал целостность всего текста. Это положение, на наш взгляд, применимо и к пониманию символической реальности. Только в этом случае нам необходимо расширить представления о «материале», который переводится. Это уже не обязательно вербальный текст (в случае использования слова-символа или символического описания), превращаемый субъектом в другой вербальный текст, но и текст, переводимый в чувственный образ (воображения, памяти), действие, ситуацию или образ-символ, который мы пытаемся описать словами, выразить в поступке и т. п. Константным при этом остается не форма, а внутреннее содержание символа. Происходит как бы игра с формой при сохранении единства смысла символа. Метафорой здесь может служить сохранение темы музыкального произведения при изменении способов ее выражения. Естественно, что для осуществления

формального, т. е. относящегося к форме, преобразования символа необходимо сознательное разведение субъектом последней с его внутренним содержанием и понимание того, что конкретное предметное выражение символа всегда есть лишь один из способов представления его внутреннего смысла.

2. Воссоздание (обнаружение) антиномичности формы и смысла символа.

Данный элемент символической функции сопряжен с такой важной характеристикой символа, как антиномичность – несовпадение, даже противостояние, естественной, очевидной логики, существующей как фон, и сверхъестественной логики, представленной как фигура на фоне. Причем как закономерное, соответствующее логике повседневного сознания, так и противостоящий ему смысл символа находят выражение в его внешней форме. Вот это несоответствие двух логик и должен обнаружить субъект, осознавая предметное выражение символа.

Для ясности этого положения приведем пример возможного понимания притчи как одной из символических форм культуры. Притча звучит следующим образом: «Один ученый человек каждый день приходил к пророку Мухаммеду. Однажды пророк отвел его в сторону и сказал: “Не приходи каждый день, тогда мы больше станем любить друг друга”. И тут же рассказал следующую историю. У одного ученого спросили: “Солнце так прекрасно, так великолепно, почему, однако, нельзя сказать, что мы всегда одинаково сильно любим его?” Ученый ответил: “Солнце светит каждый день. И только зимой, когда оно скрывается за тучами, мы начинаем его ценить”».

В данной притче отчетливо противопоставляется естественная логика обыденного сознания – «если что-то нам нравится, то этого должно быть больше в нашей жизни» – и логика иного содержания – «то, что редко дано нам в нашем эмпирическом бытии, начинает являть себя в иной форме бытия – бытия ценности». Первая логика, представленная в описанной в притче ситуации, служит как бы фоном, высвечивает смысл другой логики, данной в ответе пророка.

Обнаружение антиномичности символа субъектом создает то психическое напряжение, которое запускает процесс понимания символического смысла. Однако это не означает, что понимание происходит само собой без активного участия личности. Поскольку парадоксальная логика символа не поддается рассудочному, формально-логическому объяснению и не может быть выстроена в цепочку вытекающих друг из друга умозаключений, то от личности требуется определенное усилие для

¹ В этом контексте интересно вспомнить о существующей с древности в китайской культуре традиции, к которой дети приучались сызмальства, придумывать «параллельные» фразы, когда высказывания собеседников совпадают грамматически и синтаксически, но не совпадают предметно и по своему смыслу выражают ответ на высказывание собеседника [9]. Таким образом, сохранение формы высказывания служило связующим звеном между различными по предметному содержанию высказываниями, выражало как бы единство темы диалога.

сосредоточения на его внутреннем содержании (или точнее – на внутренней пустоте символа). Только в этом случае возможно трансцендирование внешнего выражения символа.

Активность и участие субъекта состоит в его обращенности к идеальному, внутреннему содержанию символа, к его – как это ни парадоксально звучит – внутренней пустоте, пустоте никогда не заполненной и в силу этого порождающей бесконечное многообразие смыслов, внутренне связанных единой не поддающейся объяснению раскуртка логики. По сути дела эта внутренняя пустота, беспредметность символа, обладая притягательной силой, и рождает нашу субъектность, служит источником осмысленной и свободной от детерминизма эмпирической действительности активности. Внешняя же форма символа служит для нас как бы опорой, воротами, через которые мы проходим к реальности иного.

3. Совмещение различных смысловых позиций, выраженных в символе.

Выше отмечалось, что смысл (содержание) символа всегда многогранно и никогда жестко не фиксировано. Пустота символа служит условием его потенциала в порождении и выражении многогранных смыслов. Здесь правильнее будет говорить не об одном единственном смысле символа, а о разнообразии смыслов, выступающих гранями или ипостасями некоторого единого Смысла. Данная особенность напрямую связана с коммуникативной функцией символа, его способностью объединять различные эмпирические содержания в опыте как одной личности, так и различных людей. В этом контексте уместно вспомнить про диалогическую природу смысла в частности и сознания в общем, подробно описанную М. М. Бахтиным [12–14]. Смысл М. М. Бахтиным понимается как ответ на вопрос и без этого вопроса немислим. Таким образом, единый Смысл символа способен совмещать в себе различные смысловые позиции (голоса), обнаруживающие различные его грани и создающие глубину его понимания человеком. Любой символ – это всегда чей-то символ и он к кому-то обращен. Символ должен учитывать сознание как минимум двух личностей: той, которая себя выражает, и той, к которой он обращен. Для субъекта символ становится символом, только если он одновременно становится символом и для другого, что, в свою очередь, требует осознания им символа с различных позиций. Такое осознание включает в себя не только «позиционирование» (смену позиции, децентрацию сознания), но и интеграцию различных позиций (смыслов) при понимании или порождении символа. Несмотря на то, что внутреннее содержание символа беспредметно

и арефлексивно, оно может быть осмысленно с различных позиций и представлено в различных интерпретациях, включено в различные смысловые системы. Данный элемент символической функции и предполагает способность личности по-разному интерпретировать содержание символа. Интегративный аспект символической функции сознания, на наш взгляд, играет большую роль в построении личностью целостного образа мира. В соответствии с этим, нам представляется, что часто встречающиеся попытки человека свести свои переживания (и переживания себя, своего “Я”) к отдельным эмпирическим проявлениям, рассматривать их как изолированные факты, имеющие такие же изолированные объективные (буквальные) значения, следует рассматривать как уход от целостного символического видения мира. Психологи называли этот феномен расщеплением – психологической защитой, состоящей в том, что все воспринимается по отдельности, не соединяясь в единое целое [15].

Все три аспекта символической функции сознания хотя и обладают определенной автономией представленности в психической жизни, существуют как неделимые и действующие как единое целое. Так, например, преобразование формы символа, как правило, сопровождается изменением способа его понимания, построением новой интерпретации. Обнаружение антиномичности символа безусловно предполагает совмещение хотя бы двух смысловых позиций.

Каждый из элементов символической функции обнаруживает ее особую роль в жизнедеятельности человека: первый – творческое начало активности субъекта, второй – способность к самотрансцендированию индивидуального сознания, третий – нравственный аспект существования личности. В совокупности все три компонента символической функции можно рассматривать как основу порождения субъектности индивида, его осмысленной активности.

Проблема исследования онтогенеза символической функции сознания

В заключение хочется сказать несколько слов о необходимости исследования символической функции в онтогенезе, как в норме, так и при различных отклонениях в психическом развитии. Для этого следует указать на две возможных линии онтогенетического развития. Первая линия, о которой говорилось в начале статьи, представлена во многих психологических исследованиях и отражает направление движения от символа к значениям, направление абстрагирования, сужения и объективации обозначаемого содержания [5, 7, 8,

16]. Другую линию, к сожалению, на сегодняшний день практически не разработанную, можно обозначить как движение от неделимого единства внешней формы и содержания символа к их дифференциации, к пониманию, что смысл символа может иметь различное внешнее выражение, за счет чего происходит его обогащение. В этом случае символические формы сознания «не усыхают», все более и более выхолащиваясь и сужая свое содержание, а, напротив, обрастают все новыми и новыми смыслами. Первая линия ведет к развитию рефлексии действительности, вторая – к ее целостному пониманию. Поскольку символ а-refлексивен и направлен не столько «внутри», на психическую жизнь субъекта, сколько «вовне», на его межличностное пространство, он позволяет увидеть то, что недоступно ограниченному индивидуальному сознанию человека, трансцендировать свое ограниченное понимание реальности. Возможно, символическая функция сознания является тем недостающим звеном, которое поможет раскрыть проблеме интериоризации ребенком смыслов и задач человеческого существования, поставленную в свое время еще Д. Б. Элькониным в контексте освоения ребенком идеальных форм культуры [17, 18].

Частным аспектом развития символической функции сознания, на наш взгляд, является динамика становления субъектности и осознания своего «Я» как источника активности. Здесь мы можем выдвинуть гипотезу, безусловно требующую уточнения и эмпирического подтверждения, относительно механизма становления субъектности в онтогенезе. Данный механизм заключается в следующем: изначально (в раннем детстве) источник активности идентифицируется с собственным телом (на это указывал еще З. Фрейд [15]) или окружающими ребенка предметами (вспомним про феномен «полевого поведения», описанный К. Левиным); конечной точкой развития является отождествление в сознании источника активности с внутренним содержанием символа (-ов). В самосознании субъекта это представлено как перерождение (или рождение) «Я» или, точнее, отказ от него. Источник активности теперь видится вовне, происходит самотрансценденция субъекта (на эти процессы, правда в другом контексте, обращает внимание В. Франкл). Таким образом, механизм становления субъектности состоит в смещении осознаваемого источника активности со своего тела или воспринимаемой предметной действительности² на внутреннее содержание

символической реальности³. Безусловно, содержание символической реальности, конкретные символы представляющие ее, могут варьировать в зависимости от различных факторов, однако логика развития, состоящая в том, что человек учится подчинять свою деятельность или, как вероятно сказал бы А. Н. Леонтьев, жизнедеятельность, тому, что является для него неиссякаемым источником Смысла, соединяющим жизнь и отношения в единое целое, остается неизменной.

Другой проблемой, особенно актуальной для оказания адекватной психологической помощи детям с особенностями психофизического развития и связанной с онтогенезом символической функции, является проблема развития творческой активности и воображения [19], а также проблема освоения ребенком межличностных отношений. Известно, что и развитие сферы творчества, воображения и сферы межличностных отношений является наиболее проблемным у таких детей. Между тем, эти проблемы на сегодняшний день очень слабо изучены в специальной психологии. Обратной стороной таких исследований могло бы стать более глубокое понимание механизмов развития символической функции.

Список цитированных источников

1. *Аверинцев, С.* Символ художественный / С. Аверинцев // Собрание сочинений: под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Симова. София-Логос. Словарь. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006.
2. *Флоренский, П. А.* У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М.: Правда, 1990.
3. *Брунер, Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Изд-во «Прогресс», 1977.
4. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982–1984.
5. *Нарышкин, А. В.* Строение образа мира человека и соотношение понятий «знак»–«символ» и «значение»–«смысл» / А. В. Нарышкин // Вопросы психологии. – 2005. – № 1.
6. *Петренко, В. Ф.* Основы психосемантики: учеб. пособие / В. Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
7. *Салмина, Н. Г.* Знак и символ в обучении / Н. Г. Салмина. – М.: Моск. гос. ун-т, 1988.
8. *Сапогова, Е. Е.* Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника / Е. Е. Сапогова. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1993.
9. *Пу Сунлин.* Рассказы Ляо Чжэя о необычайном / Пу Сунлин. – М.: Художественная литература. – 1988.
10. *Зинченко, В. П.* Живое слово-понятие: рассудок и разум / В. П. Зинченко // Теоретические проблемы развивающего образования: сб.ст.: науч. ред. Т. М. Савельева. – Минск: ПКОО «Полибиг», 2002.
11. *Леонтьев, А. А.* Основы психолингвистики: 3-е изд. / А. А. Леонтьев – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.

² Изначальную предопределенность активности субъекта предметной действительностью можно связать и с такой сущностной характеристикой деятельности, как предметность. Последняя, согласно описанному механизму, в процессе развития субъектности перестает властвовать над личностью и приобретает подчиненный смысл.

³ Интересно, что в английском языке слово «subject» обозначает как активного субъекта, человека, так и объект воздействия, подчинение, покорение, т. е. отражает и пассивную позицию.

12. *Бахтин, М. М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000.
13. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979.
14. *Верч, Дж.* Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию / Дж. Верч. – М.: Тривола, 1996.
15. *Тайсон, Р.* Психоаналитические теории развития: пер. с англ / Р. Тайсон, Ф. Тайсон. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
16. *Пиаже, Ж.* Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб.: Питер, 2003.
17. *Зинченко, В. П.* Загадка творческого понимания (К 100-летию Д. Б. Эльконина) / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2004. – № 1.
18. *Эльконин, Д. Б.* Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989.
19. *Слепович, Е. С.* Позиционирование как механизм воображения у детей в норме и при отклонениях в психофизическом развитии / Е. С. Слепович, А. В. Поляков // Возрастная и педагогическая психология: сб. науч. тр. БГПУ им. М. Танка. – Мн., 2005. – Вып. 6.

Дата поступления статьи в редакцию: 7.09.07 г.